

Ю. А. ЛАЙУС

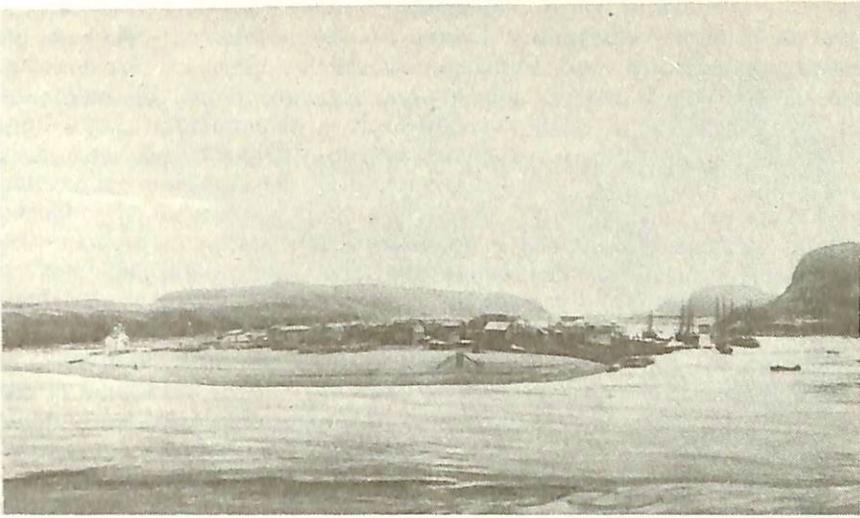
**УЧЕНЫЕ, ПРОМЫШЛЕННИКИ И РЫБАКИ:
НАУЧНО-ПРОМЫСЛОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МУРМАНЕ, 1898—1933***

В научно-промысловых исследованиях, проводившихся на Мурмане в конце прошлого — начале нынешнего веков, сочетались теоретический и практический аспекты, — причем, как будет видно из дальнейшего изложения, характер их объединения был исторически изменчивым. История этих исследований интересна своим широким спектром социальных взаимодействий, включавших контакты не только ученых с учеными и ученых с государством, но и ученых с промышленниками и рыбаками, разнообразно реагировавшими на предлагавшиеся учеными подходы к постановке и решению промысловых проблем. Мурман же интересен тем, что здесь отрабатывались новые промысловые подходы и методы лова, использовавшиеся затем в других акваториях (например, на Каспии и Дальнем Востоке), — а также потому, что именно здесь создавались новые научные направления и школы, сыгравшие впоследствии выдающуюся роль в развитии отечественной морской биологии**.

Перед тем как приступить к разговору об истории научно-промысловых исследований на Мурмане, следует хотя бы вкратце очертить тот фон, на котором они были начаты. В конце XIX в. Мурман, бывший наиболее удаленной от центра частью Архангельской губернии, представлял собой отсталую окраину Российской Империи. Постоянное население его было очень мало, а проводимая правительством колонизация Мурманского поморья с целью достижения перевеса русского населения над финским и норвежским была малоуспешной. Отсутствие надежной связи побережья даже с Архангельском (летом — нерегулярное паровое сообщение, зимой — трудный путь на оленях через Кольский полуостров), долгая полярная ночь, невозможность сельского хозяйства — все это приводило к тому, что жизнь тех немногих поморов, которые решались пересечь на Мурман, была нищенской, полностью зависимой от суровой природы. Единственным более или менее надежным источником существования в этом краю было морское рыболовство. Техника промысла была примитивной: утлые беспалубные суденышки (шняки), наживные яруса для лова основной промысловой рыбы — трески выглядели так же, как в прадедовские времена (XVI—XVIII вв.), когда мурманские промыслы были богаче соседних норвежских. На Мурманском побережье в те давние времена насчитывалось до 50 промысловых становищ, причем основную роль в промысле играли не сезонные ловцы, а местное население. В 1825 г., при установлении границы с Норвегией, к последней отошли прекрасные промысловые участки, открытые и освоенные русскими рыбаками. Более суровый Восточный Мурман был освоен гораздо хуже. Если в конце XVIII в. на Мурмане промышляло около 10 тыс. рыбаков, то к концу XIX в. их число уменьшилось втрое [1, с. 6—13]. Экономическая зависимость от «хозяев» (так называемый «покрут») также способствовала тому, что на промыслах преобладали рыбаки-сезонники, приезжавшие с побережья Белого моря. Число же постоянных рыбацких поселений резко сократилось. Русские промыслы приходи-

* Автор благодарна Д. А. Александрову (СПбФИИЕТ), вдохновителю этой работы, за руководство и постоянную помощь; А. Ю. Стручкову (ИИЕТ) за доброжелательную критику и заботливую редактуру; и А. П. Алексею, Председателю Северо-Западного отделения Ихтиологической комиссии, за проявленный интерес и важные дополнения.

** Здесь впервые в России были проведены исследования по международной программе (см. ниже), причем с использованием первого в мире научно-исследовательского парохода «Андрей Первозванный», проведены первые опыты применения трала в русских водах. Здесь с 1899 г. находилась Биологическая станция Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей, на которой проходили практику и проводили исследования многие известные впоследствии исследователи моря.

Становище Териберка

ли в упадок, тогда как норвежские, оснащавшиеся современными судами и орудиями лова, напротив, быстро росли, приносили большие прибыли и позволяли снабжать рыбой не только Норвегию, но и северную часть России.

Начало научно-промысловых исследований: учреждение Комитета для помощи поморам и организация Мурманской экспедиции

Первой вехой в истории научно-промысловых исследований на Мурмане можно считать создание Мурманской научно-промысловой экспедиции, начавшей свою деятельность в 1898 г. Образованная под эгидой благотворительной организации — Комитета для помощи поморам Русского Севера, экспедиция первоначально существовала на частные пожертвования, а затем стала получать и значительные государственные субсидии. В этом разделе я хочу остановиться не столько на деятельности этой экспедиции, сколько на истории ее организации, которая важна для понимания того, как возникал сам образ «научно-промысловых исследований», призванных (по замыслу их инициаторов) указать путь к улучшению экономической жизни края.

В жестокие осенние штормы 1894 г. на Белом море погибло 25 возвращавшихся с промысла поморских судов. Много рыбацких семейств осиротело и лишилось источников существования. Санкт-Петербургское отделение Императорского Общества для содействия русскому торговому мореходству* образовало из среды своих членов Комитет для помощи поморам Русского Севера. По докладу министра финансов С. Ю. Витте государь император Николай II разрешил открыть повсеместно сбор пожертвований для пострадавших поморов, а также распорядился отпустить на их нужды 5 тыс. руб. из Государственного казначейства. Средства поступали в распоряжение Комитета (во главе которого стоял великий князь Александр Михайлович), и уже к концу 1895 г. общая сумма сбора составила 50 тыс. руб. [2, с. 21]. Поначалу Комитет действовал как сугубо филантропическая организация, занимаясь выплатой пенсий семьям поморов и организацией страхования поморских судов. Он поддерживал тесную связь с Обществом для содействия русскому торговому мореходству: так, один из наиболее активных деятелей Комитета, его член-докладчик Михаил Федорович Мец являлся одновременно и председателем названного Общества.

* В 1898 году оно было переименовано в Императорское Общество судоходства.

Именно на заседании этого Общества в ноябре 1896 г. прозвучал доклад специалиста по рыбному хозяйству (будущего заведующего морскими рыбными и звериными промыслами Архангельской губернии) Николая Аркадьевича Варпаховского «О рыбацких школах для нашего Севера» [3, с. 2], вызвавший оживленную дискуссию, следствием которой было и расширение сферы деятельности Комитета, и начало систематических научно-промысловых исследований на Мурмане. Дело в том, что по итогам дискуссии было решено образовать специальную Северную комиссию для разработки возбужденных докладом вопросов, и в первую очередь — вопроса о необходимости научно-промысловых исследований в северных водах. Особое впечатление на участников дискуссии произвело выступление представителя поморского населения Мурмана С. В. Постникова.

Совершая в течение почти полувека плавания по северным морям, он не раз видел экспедиции, снаряженные для изучения побережий, и пришел к следующему заключению. «Не касаясь целесообразности и плодотворности этих исследований в научном или каком-либо другом „теоретическом“ отношении, — говорил Постников, — он... не может умолчать о том, что, в „практическом“ отношении, никаких результатов от всех этих исследований он не замечал, — и несомненно, что, благодаря этим исследованиям, ни один спрос местной промысловой жизни, во всей суровой ее обстановке, не был удовлетворен.... В Норвегии и у других народов — это не так. Там, на помощь темному трудовому населению, являются просвещенные люди, вооруженные знаниями, наукой. Они делают исследования там, именно, где надлежит — в море — и дознаются, например, откуда, как и когда приходит рыба? — где и почему она останавливается? — после чего уже, темному промышленнику остается, лишь, следовать точным их указаниям, не теряя бесполезно времени и не затрачивая напрасно труда. Со всем иначе это у нас. Доныне никому не известно, откуда и как приходит к Мурманскому берегу треска? — и правда ли, что ее нет тут же поблизости, в то время, когда съехавшиеся на Мурман ловцы подолгу пребывают в томительном бездействии? Доныне неизвестно, также, найдется ли она у берегов Мурмана зимой. Желая посылить содействовать решению этих вопросов, — продолжал Постников, — он пробовал... пуститься на лов далее в море. Попытка его увенчалась успехом... но он сознавал, что здесь требуется не частная, единичная попытка, ... но серьезно и разумно обставленное исследование.... И если Комитет для помощи поморам Русского Севера, — поставивший себе, в своем призыве о помощи, более широкие задачи, чем призрение осиротевших семейств, — желает оказать самую существенную помощь всему поморскому населению, то поистине он и окажет таковую, если ему удастся осуществить исследование... самого моря» (цит. по: [3, прилож. 1, с. 1—4]).

Председатель Общества М. Ф. Мец, «признавая всю убедительность доводов почтенного моряка-помора» [3, прилож. 1, с. 4], обратился к группе молодых Санкт-петербургских зоологов, обладавших знаниями в области биологии промысловых рыб (а именно к Н. М. Книповичу, А. М. Никольскому, Н. А. Варпаховскому, А. А. Бялиницкому-Бируле и И. Д. Кузнецову). Совместно обсудив вопрос, они подтвердили необходимость научно-промысловых исследований. Собранные необходимые материалы, Мец представил их Комитету, также признавшему эти исследования совершенно необходимыми — как для успешной колонизации Мурмана, так и для развития самих промыслов.

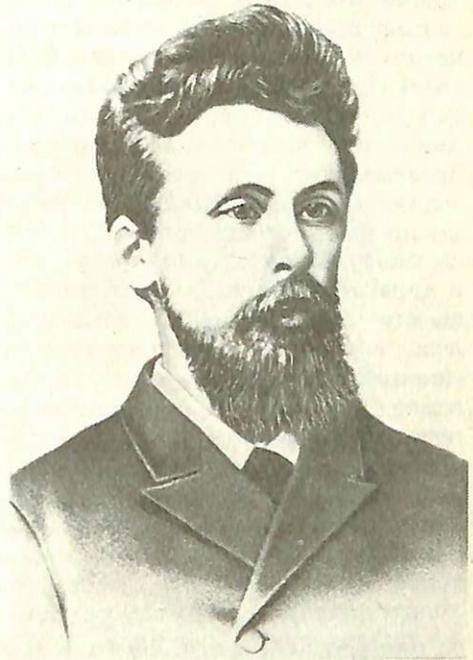
26 ноября 1896 г. под председательством все того же Меца состоялось первое заседание Северной комиссии. Комиссия обратилась к зоологам Н. М. Книповичу, А. М. Никольскому и Н. А. Варпаховскому и к капитану А. И. Одинцову с просьбой разработать план научно-промысловых исследований и представить по этому поводу свои доклады Обществу, что и было ими сделано 7 февраля 1897 г. Первым был заслушан доклад Н. М. Книповича под названием «Проект научно-промысловых исследований у Мурманского берега» [3, прилож. 1, с. 5—25].

Он был дополнен докладом А. М. Никольского [3, прилож. 1, с. 26—30]*. Затем Н. А. Варпаховский выступил с докладом «О научно-промысловых морских исследованиях заграницей» [3, прилож. 1, с. 31—36]. А. И. Одинцовым был представлен перечень необходимого для экспедиции оборудования (в первую очередь — судна, снаряжения, гидро- и метеоприборов) и первоначальная смета расходов [3, прилож. 1, с. 37—43].

Николай Михайлович Книпович был к тому времени известен главным образом своими исследованиями в Белом и Баренцевом морях на крейсере «Наездник», а также двумя отчетами Министерству земледелия о морских рыбных и звериных промыслах Архангельской губернии (см. [4, 5]). Как и в этих отчетах, в своем докладе по «Проекту» Книпович подчеркивал, что необходимым условием для развития и расширения промыслов является знание промысловых вод [3, прилож. 1, с. 17]. Также и несколько позже, размышляя о задачах Мурманской научно-промысловой экспедиции, он писал, что «меры для развития промыслового лова должны опираться на естественно-историческую основу» [2, с. 2], полагая, что

«главная сила человека, главный залог и основа его прогресса власть его над природою, а для достижения этой власти есть одно только средство — глубокое знание природы, знание ее законов» [2, с. 8].

Надо отметить, что не только Книпович, но и большинство участвовавших в заседании Общества 7 февраля 1897 г. считали научные знания важнейшим фактором в развитии промыслов. Показателен в этом отношении был доклад Н. А. Варпаховского, начинавшийся тезисом: «Успехи промышленности тесно связаны с прогрессом научных знаний» [3, прилож. 1, с. 31]. Сравнивая положение промыслов на севере России и за рубежом, Варпаховский акцентировал разницу уровней научных знаний в гораздо большей степени, нежели разницу уровней экономического развития. Иллюстрируя свой исходный тезис, он остановился, в частности, на примере Дании, где, по его словам, «рыболовство упало почти совершенно в середине настоящего столетия и поднялось вновь, благодаря некоторым мероприятиям, а главное, производству научно-промысловых исследований» [3, прилож. 1, с. 34]. «Нельзя не отметить еще, — обобщал Варпаховский в заключение своего доклада, — что почти везде заграницей, начало и инициатива научно-промысловых исследований рыболовства принадлежали или ученым обществам или частным лицам. Правительства, видя результаты работ, их влияние на усиление рыболовства и улучшение его, приходили затем на помощь делу.... Нам теперь, после прекрасных результатов, полученных заграницей, идти медленными шагами в деле постановки научно-промысловых исследований, конечно, не следует, а напротив, должно приступить и, чем скорее, тем лучше, к всестороннему и полному исследованию, как это выяснил Н. М. Книпович. Не

Н. М. Книпович

* В своем докладе Никольский остановился главным образом на необходимости изучения китов и тюленей и их роли для рыболовства, оставшейся во многом невыясненной, несмотря на работу специальной экспедиции от Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей под руководством проф. М. Н. Богданова летом 1880 г., в которой он принимал непосредственное участие.

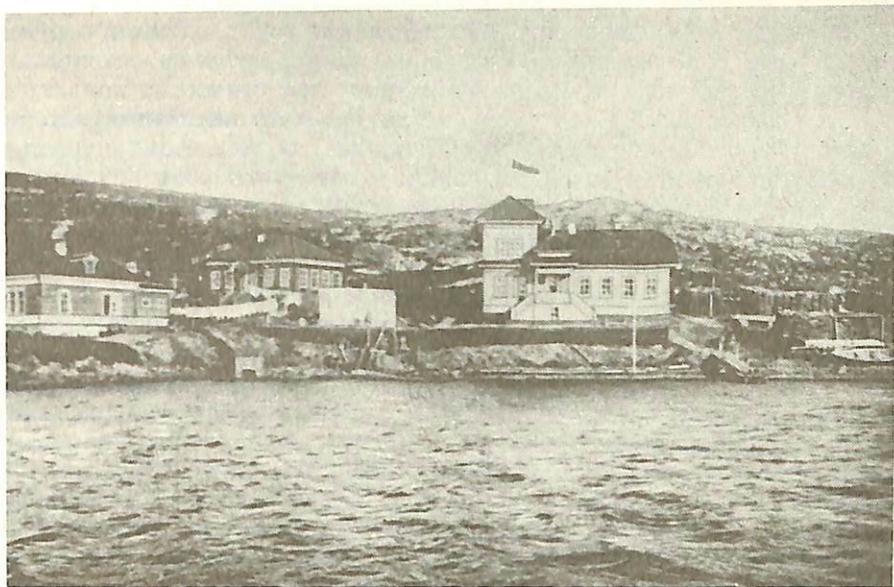
следует останавливаться перед расходами на это народное дело, ибо перед нами деятельность в этом направлении почти всех государств Европы, давшая там благе для народа результаты» [3, прилож. 1, с. 35—36].

Большинство участников заседания, убежденные в необходимости «всестороннего и полного исследования», были не слишком внимательны к отдельным скептическим ноткам, прозвучавшим, например, в выступлении русского вице-консула в Финмаркене В. А. Березникова. Последний, в частности, предлагал отделить требующие много времени биологические исследования от насущных практических — таких, как исследования дна моря, «которые необходимы сейчас же, чтобы промышленники могли знать, где им следует промыслить, без чего им не следует заводить дорогие промысловые суда» [3, прилож. 1, с. 51]. Далее он отметил также, что, говоря об усовершенствовании судов, надо иметь в виду и характер берегов: «у нас они открытые, а в Норвегии фьорды, в которых можно ставить суда на якорь; шняку же просто вытаскивают на берег» [3, прилож. 1, с. 56]. Известный ихтиолог И. Д. Кузнецов, подчеркнув, что, по его мнению, проект составлен с полным знанием дела, высказал, однако, и скепсис иного рода, нежели Березников: не может ли получиться так, что исследования принесут пользу только «нашим конкурентам», поскольку поморы не имеют хороших промысловых судов? На это Мец возразил, что поморы настолько срослись с морем, что едва ли возможно сомневаться в их способности немедленно воспользоваться всеми плодами исследований. Присутствовавшие на заседании представитель поморского населения и промышленник из числа постоянных жителей Мурмана единодушно заявили, что самое главное — это указать, где находится рыба, и, как только такие места будут указаны, промысловики тотчас же пойдут туда [3, прилож. 1, с. 54—55].

По окончании обсуждения Общество постановило: «Представить Министрам Земледелия и Государственных Имуществ, Финансов и Морскому о необходимости произвести научно-промысловые исследования у берегов Мурмана». Министр финансов С. Ю. Витте, «относясь с неизменным сочувствием к деятельности Комитета, категорически выразил готовность содействовать в таком деле» [3, прилож. 1, с. 44]. Затем проект научно-промысловых исследований был обсужден в Комитете для помощи поморам Русского Севера, где также был одобрен. Книпович, назначенный начальником планируемой экспедиции, в 1897 г. был командирован в поездку по странам Западной Европы с целью обучения современным методам исследований. Дабы иметь возможность осуществить разработанную программу исследований, Комитет повторно обратился к общественности и уже к 1898 г. получил почти 150 тыс. руб. Впоследствии Комитет стал также получать и значительные государственные дотации.

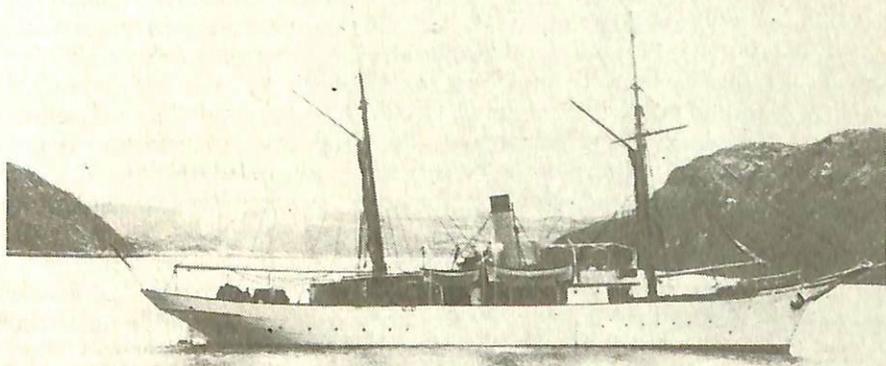
В качестве начальника Мурманской научно-промысловой экспедиции Книпович выдвинул на первое место в ее работе чисто научные задачи, полагая, что только после глубокого и всестороннего изучения объектов промысла можно будет переходить к собственно практическим вопросам. Он сознательно отказывался от прямых исследований промысла, считая, что исследования не должны «тащиться на буксире у рыбаков» [2, с. 20], как это было, скажем, во времена промысловых исследований К. М. Бэра или Н. Я. Данилевского. По мнению Книповича, было бы эффективнее сначала вывести законы, управляющие распределением рыб в море, и затем организовать промысел на основании этих законов, нежели проводить непосредственную разведку рыбных скоплений. Для того чтобы знать, когда, где, какую рыбу ловить, необходимо знать условия жизни рыбы в море, — и в своей далеко идущей программе он начал с гидрологии. «Для познания биологии промысловых рыб мы должны изучить и биологию всех остальных обитателей моря, а чтобы ее изучить, надо изучить всю совокупность физико-географических условий во всех пунктах изучаемой области и во всякое время» (цит. по: [6, с. 27]).

Экспедиция получила в свое распоряжение здания для лаборатории, причал

Дом Мурманской научно-промысловой экспедиции в г. Александровске

и склады в городе Александровске, арендовала помещения в Териберке — самом крупном становище Восточного Мурмана. Книпович сумел оснастить экспедицию новейшими по тому времени приборами и орудиями лова, а также добился постройки (первого в мире!) специального научно-исследовательского судна «Андрей Первозванный», которое послужило образцом для подобных судов в западноевропейских странах. Большим преимуществом судна был установленный на нем трал новейшей конструкции. В мае 1899 г. было проведено первое траление, а впоследствии возможность тралового лова была доказана для разных районов Баренцева моря. Были проведены детальные исследования гидрологии Баренцева

Пароход экспедиции «Андрей Первозванный»

моря: определены разветвления Гольфстрима на пространстве между Мурманом и Новой Землей, установлена связь распределения рыб с теплыми струями этого течения, впервые установлен ход изменений температуры на различных глубинах в разных частях моря, собраны богатейшие зоологические коллекции. Благодаря этим исследованиям как экспедиция, так и ее начальник вскорости получили международное признание. В 1901 г. был основан Международный совет по исследованию морей (Conseil permanent international pour l'exploration de la mer), в который в качестве представителя от России вошел Книпович. В том же году Мурманская экспедиция приступила к выполнению международных исследований в рамках обязательств, принятых Россией на конференции в Христиании (Осло), где на встрече представителей восьми стран Северной Европы «были выработаны общие положения для совместных и вполне однородных физических, биологических и промысловых исследований европейских морей» [7, с. 43]*.

Параллельно, однако, развивался конфликт между Книповичем и Комитетом для помощи поморам Русского Севера, руководство которого выказывало все большее недовольство выбранным (Книповичем) направлением в развитии исследований, полагая, что сделан крен в сторону «чистой науки» и что работы Мурманской экспедиции мало что дают практике промысла. Вдобавок, в 1900 г. в газете «Новое время» появилась заметка, написанная на основании письма в редакцию помора Кочина (бывшего капитана парохода «Андрей Первозванный»), в которой, под выразительным заголовком «Жалобы поморов», Мурманской экспедиции, в частности, вменялось в вину то, что, в угоду иностранной науке, ею забыты повседневные местные нужды поморов [8, с. 4]. Надо сказать, что в этой ситуации Комитет выступил в защиту Книповича. Обращают на себя внимание следующие строки из официального отклика Комитета на страницах журнала «Русское судоходство»: «что касается обвинения экспедиции в том, что она за весь промысловый сезон установила только положение теплых течений и связь с ними распределения рыбы, то господин автор заметки, сам того не понимая, высказал, в сущности, величайшую похвалу экспедиции» [9, с. 161]. На фоне столь недвусмысленного одобрения Комитетом «гидрологической программы» Книповича может показаться странным говорить о том, что в то же самое время конфликт между ними все более обострялся. Тем не менее так оно и было. «Дела в экспедиции идут неладно, — писал Книпович в письме к А. А. Бялыницкому-Бируле. — На меня ведут в Комитете поход (именно Мец) с целью выжить из экспедиции, и возможно, что через несколько дней я откажусь наотрез иметь какое-либо дело с Комитетом и экспедицией. Мецу удалось втравить в это дело и Великого князя, и я не знаю, удастся ли установить такой *modus vivendi*, при котором я найду возможным оставаться на службе Комитета, не поступаясь своим достоинством...» (цит. по: [6, с. 53]). Связь между изучением гидрологии моря и практической пользой для промысла оставалась непонятной не только узкому кругу малообразованных промышленников далекого северного края, но и «широкой общественности», на которую ориентировался Комитет. Как писал позднее ассистент Книповича по экспедиции Всеволод Феликсович Држевецкий, «приходилось много бороться с влиятельным скептицизмом, с которым относились в Петербурге к широкой программе работ экспедиции» [10, с. 152]. Стратегия Книповича — сначала «всестороннее и полное исследование», затем практические нужды — оказалась неподходящей как для местных условий, так и для руководства Комитета. В 1902 г. Книпович был отстранен от заведования Мурманской экспедицией. В то же время исследования Книповича были высоко оценены научным сообществом: в этом же году он был удостоен золотой медали

* Международные обязательства России по изучению Баренцева моря были выполнены Мурманской экспедицией в полном объеме и заслужили международное признание, в то время как обязательства по изучению Балтийского моря остались вообще невыполненными в те годы.

Русского Географического общества, а в 1903 г. — золотой медали Академии наук. Тогда же им был написан ставший классическим труд «Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана» (издан в 1906 г.) [11].

Попытки реорганизации экспедиции и упразднение Комитета для помощи поморам

Преемником Книповича на посту начальника экспедиции стал Леонид Львович Брейтфус, получивший, в качестве напутствия при вступлении в должность, категорическое требование Председателя Комитета, великого князя Александра Михайловича, «чтобы характер и направление деятельности экспедиции строго согласовались бы с теми научно-промысловыми целями..., для достижения коих она была организована» [12, с. 144].

Брейтфус избрал новую стратегию соотношения науки и практики в деятельности экспедиции. Стремясь сохранить приоритет за научными (преимущественно гидрологическими) исследованиями, — причем сосредоточенными, главным образом, вне основных промысловых районов Мурмана (отчасти это было связано с выполнением международных программ), — он в то же время всячески старался выставить на передний план практические мероприятия экспедиции, чтобы сделать «фасад» ее деятельности угодным общественному мнению и тем самым оградить ее от критики. При этом он пытался охватить множество разнообразных вопросов, как крупных, так и мелких, и в конце концов сложилось странное положение, когда научное предприятие, организация которого потребовала значительных научных сил и дорогостоящего специального оборудования, занялось... постройкой на Мурмане бань и школ для детей колонистов. Подобные «культмассовые мероприятия», требуя затраты средств и человеческих сил, шли вразрез с научно-промысловыми задачами экспедиции. В итоге за следующие 6 лет своей работы (до 1908 г.) ученые экспедиции оказались не в состоянии выполнить сколько-нибудь последовательного исследования промысловых рыб; все полученные ими данные были отрывочны, к тому же большинство из них подолгу не обрабатывались, и из них невозможно было извлечь никакой реальной пользы для практики промысла. Располагая, хотя и первоклассным, но единственным судном (все малые суда экспедиции были постепенно распроданы по указанию Комитета), ученые не могли проводить одновременно работы в разных районах, что было совершенно необходимо для изучения перемещений рыбы. Между тем все эти годы экспедиция служила «крышей» для ряда талантливых ученых, работавших по интересовавшим их лично темам (А. К. Линко исследовал планктон, Б. Л. Исаченко — бактерий озера Могильное, В. К. Солдатов — биологию семги), про которые, однако, едва ли можно было сказать, что это были самые насущные исследования с точки зрения развития промысла.

Но, по-видимому, как раз сам Комитет, — все больше сворачивавший свою деятельность и перекладывавший на экспедицию «культмассовую работу», — во многом способствовал явному удалению экспедиции от тех научно-промысловых целей, «для достижения коих она была организована»*. Во всяком случае, именно к такому заключению пришел Брейтфус, указывая, в частности, что Комитет, «будучи учреждением закрытым и не подчиненным какому-либо контролю ни со

* В 1907—1908 гг. Комитет опубликовал отчет о своей деятельности за весь период своего существования (см. [7]), из которого видно, что в числе дел Комитета значились и сбор промысловых статистических сведений, и организация промыслового телеграфа между становищами, а также с Варде и Архангельском (начатая еще при Книповиче и продолженная Брейтфусом), и организация спасательных станций, и участие в четырех международных выставках, где экспонировалась, в частности, коллекция рыб Баренцева моря, и издание в общей сложности 145 трудов (из них Книпович был автором 25-ти, а Брейтфус — 44-х), — но вся эта деятельность из-за финансовых затруднений постепенно угасала.

стороны Общества Судоходства, ни отпускавшему ему средства Министерства, функционировал по-дилетантски, без определенного плана..., без всякой ответственности и каких-либо обязательств» [13, с. 9—10].

Для такой оценки и в самом деле имелись основания. Так, к 1907 г. финансовые дела Комитета оказались совершенно запутанными: для покрытия долгов пришлось заложить в Норвегии пароход экспедиции «Андрей Первозванный», и даже «неприкосновенный» пенсионный фонд был частично растрачен. Для покрытия убытков Комитет организовал несколько коммерческих рейсов на промысел морского зверя на судне «Св. Фока» (прикрываясь необходимостью изучения этого вида промысла), однако и это не поправило даже его собственного финансового положения, не говоря уже об экспедиции.

В 1907 г. специальное межведомственное совещание категорически высказалось против «дальнейшего оставления экспедиции в руках частного учреждения, каковым является Комитет», указав, что «для осуществления мероприятий, в которых так нуждается Северное Поморье, нужны органы более к тому приспособленные, лучше вооруженные и ответственные» (цит. по: [13, с. 5]).

В октябре 1908 г. Брейтфус выступил в Промысловом отделе Общества Судоходства с докладом, посвященным десятилетию экспедиции [14]. Не скрывая отдельных недостатков в работе экспедиции, он в то же время положительно оценивал ее деятельность и предлагал расширить район исследований на Белое и Карское моря. Доклад этот послужил поводом для критики деятельности экспедиции в целом. На сей раз в качестве главных критиков выступили ученые: Сергей Васильевич Аверинцев (приват-доцент Санкт-Петербургского университета, бывший заведующий Мурманской биологической станции) и Всеволод Феликсович Држевецкий (бывший ассистент Книповича, вышедший из состава экспедиции в 1899 г.). Они изложили свои соображения сначала в Промысловом отделе Общества судоходства [15, 16], а затем (в начале 1909 г.) также на заседаниях недавно созданного Архангельского Общества изучения Русского Севера [17] и Архангельского Общества моряков торгового флота. Цель этих выступлений они видели, с одной стороны, в повышении внимания университетских и академических кругов к развитию научно-промысловых исследований, а с дру-

гой — в развитии интереса русских промышленников к северным промыслам. «Неужели, — говорил Држевецкий, — раздававшиеся голоса поморов за прекращение деятельности экспедиции могли быть истолкованы в том смысле, что экспедицией уже выяснены пути к удовлетворению промысловых нужд мурманских рыбопромышленников» [16, с. 26]. Критикуя деятельность экспедиции за прошедшие годы, Аверинцев и Држевецкий в то же время настаивали на продолжении и углублении научно-промысловых исследований, а также на необходимости их переориентации на удовлетворение непосредственных нужд промысла. Они предложили соответствующую программу исследований и заявили о своем желании быть одними из руководителей такой реорганизованной экспедиции. Одним из условий успешной деятельности экспедиции они считали привлечение квалифицированных специалистов, ставя в упрек предшествовавшему руководству то, что экспедиция «располагала большими

С. В. Аверинцев

средствами, но не создала кадра лиц, ведущих ее исследования» [18, с. 15], и то, что ее «работа была не по плечу тому персоналу, который взялся за ее выполнение». «Продолжать такие исследования и прибавлять к ним такие же работы в области Белого и Карского морей, — считали они, — значит подрывать в населении... престиж науки, колебать веру в достоинство и могущество научных предприятий» [16, с. 30]. В своей программе они предлагали ограничить исследования промысловым пространством Баренцева моря. Планируя работать преимущественно с небольших судов, Аверинцев и Држевецкий выдвигали в качестве основных задач изучение биологии как промысловых рыб (трески и пикши), так и наживочных (песчанки, сельди, мойвы), на исследование которых до этого не обращалось никакого внимания*. Аверинцев и Држевецкий предлагали также поручить обработку материалов экспедиции группе сведущих лиц, которые бы делали это сразу же после их получения. Наконец, они стремились полностью освободить экспедицию от заботы о культурных мероприятиях Комитета. Последний тезис, однако, был высказан ими уже не столь категорично на заседании в Архангельске: «Культурные мероприятия слишком долго ждали внимания к себе и, являясь безусловно полезными, не могут быть бесповоротно заброшены — в предположении, что это внимание откуда-то сразу появится помимо экспедиции» [17, с. 40]. Таким образом, программа работы новой экспедиции не была достаточно определенной, еще менее были определены методы ее работы. В ряде выступлений на заседании Архангельского Общества изучения Русского Севера подчеркивалось, что «экспедиции грозит повторение грехов прошлого, той же бессистемности, разбросанности и непрактичности» [17, с. 35].

Между тем Комитет для помощи поморам, поссорившись с Брейтфусом (стремившимся вывести экспедицию из-под его руководства) и распустив в конце 1908 г. всех сотрудников экспедиции, попытался сделать ставку на Аверинцева и Држевецкого, которые соглашались работать под началом Комитета, так как считали, что в ту пору его было нечем заменить. Судьба дальнейших исследований на Мурмане зависела теперь от получения государственных кредитов, целесообразность которых была поставлена под сомнение в Государственной Думе. Член Государственной Думы Н. В. Мефодьев, присутствовавший на заседании в Архангельске, заявил, что «ввиду малой осведомленности членов упомянутой комиссии [Думы] в вопросах исследования мурманских промыслов и проявляемого к ним большого интереса..., была бы весьма важной поддержка того или иного... решения со стороны Общества изучения Русского Севера» [17, с. 33—34]. Общество в своей резолюции согласилось, за неимением лучшего, оставить руководство экспедицией за Комитетом, — правда, лишь при условии создания особого совещания из представителей местных промышленников и населения края, которое бы контролировало его деятельность. При этом в резолюции подчеркивалось, что культурные мероприятия Комитета даже в существующих условиях и отсутствии в губернии земства «без ущерба для дела могут быть переданы из Комитета хотя бы в ведение местной инспекции рыбных промыслов...» [17, с. 48]. Однако вопрос о государственном финансировании экспедиции был решен отрицательно (специальной комиссией Государственной Думы), а немощный в финансовом и прочих отношениях Комитет вскоре и вовсе прекратил свое существование.

Аверинцев и Држевецкий попытались организовать экспедицию по сокращенной программе на собственные средства, однако денег оказалось недостаточно. Тогда Држевецкий предложил начать исследования на взятые в долг у разных лиц суммы, но Аверинцев отказался от участия в предприятии на столь шатких

* Вместе с тем вопрос о наживке был одним из самых больных вопросов мурманских промыслов, так как часто наблюдалась ситуация, когда промысел останавливался не из-за отсутствия промысловой рыбы, а исключительно из-за отсутствия наживки для ярусов.

финансовых основаниях. По его мнению, «самой удачной формой ведения подобных работ было бы сосредоточение всего дела исследования в руках общественных организаций» [19, с. 32]. Ввиду того, что в Архангельской губернии в 1909 г. еще не было земства, которое в принципе могло бы оказать экспедиции необходимую поддержку, Аверинцев указывал на вышеупомянутое Архангельское Общество изучения Русского Севера, полагая, что оно, совместно с каким-нибудь столичным обществом, а также объединив усилия с промышленниками и местным населением, могло бы сосредоточить научно-промышленные исследования под своей эгидой.

Стремление Аверинцева найти широкую платформу для исследований было связано с его верой в «необходимость перехода... промыслов... к крупно-капиталистической организации». В процессе перехода к «крупно-капиталистической организации», каковой представлялся ему «наиболее вероятным и, пожалуй, даже неизбежным», «научно-промышленные исследования должны дать целый ряд указаний, цель которых — улучшить и облегчить подобный переход для всех участвующих в деле сторон» [19, с. 35]. Необходимы, считал он, «плановые научно-промышленные исследования по примеру Западной Европы и пробуждение интереса к делу и расширение инициативы у русских промышленников и местного населения [19, с. 36—37]. Однако найти соответствующую масштабам этих замыслов базу для научно-промышленных исследований на Мурмане не удалось, и в те годы они фактически прекратились, если не считать состоявшейся в 1909 г., небольшой и по объему, и по срокам работ, по сути частной экспедиции Држевецкого [20]. И хотя государство в лице Министерства торговли и промышленности изъявляло желание взять на себя продолжение научно-промышленных исследований, выработанная в рамках этой инициативы программа работ была никак не связана ни с результатами прошлых исследований на Мурмане, ни с насущными нуждами мурманских промыслов. Эти работы также не состоялись.

Тем временем мурманские и архангельские промышленники, разумеется, не ограничивались пассивным ожиданием результатов деятельности ученых и критикой этой деятельности в духе упомянутых «Жалоб поморов». Так, некоторые из них пытались перенимать опыт англичан и норвежцев и, в частности, пытались организовать на Мурмане траловый промысел, возможность которого здесь была показана еще работами Книповича. Наиболее предприимчивые самостоятельно проводили некоторые исследования. В качестве примера может быть упомянут капитан Николай Лукич Копытов, который составил промысловую карту с указанием местонахождения основных рыбных банок, отметив при этом, что знанием перспективных промысловых районов русские рыбаки обязаны не отечественным экспедициям, а, главным образом, иностранным траулерам [21]. Позднее Аверинцев так отзывался о его работе: «Если учесть условия работы и те средства, которыми располагал Копытов, то нельзя не удивляться достигнутым им результатам» [22, с. 140]*. Копытов высказывал надежду, что его сведения принесут пользу не только промышленникам, но, «может быть, послужат материалом для научного объяснения миграций... рыб» [21, с. 758].

Основным обстоятельством, тормозившим развитие промыслов на Мурмане по пути к «крупно-капиталистической организации», была по-прежнему очень малая численность постоянного русского населения, тем более что среди последнего почти не было людей, которые бы могли (по уровню своих знаний) и хотели участвовать в новых формах промысла. Так, отличные новые суда рыбопромышленника Д. Н. Масленникова простояли без дела почти весь сезон 1909 г., хотя он предоставлял их на выгодных условиях всякому желающему рыбаку [24]. Между тем отечественный кустарный промысел стремительно падал; однако в то

* О Копытове писал М. М. Пришвин в заметках «По северу России» [23], положенных в основу его книги очерков «За волшебным колобком».

же самое время, во многом благодаря работам Книповича, рыбными промыслами русского Севера стали все более интересоваться иностранные рыбопромышленники, активно использовавшие траулеры, — и в итоге, например, за 1910 г. весь улов России в Баренцевом море составил лишь около 3/4 улова англичан (см. [25]) (всего же, в период с 1906 по 1912 г., англичане совершили в русские северные воды 1184 промысловых рейса [1, с. 12]). (Следует отметить, что вопрос об охране территориальных вод в то время еще не был решен, хотя и постоянно ставился перед правительством.) Попытки же развития собственного тралового лова были малоуспешными: фактически они ограничивались существовавшей с 1910 г. на Мурмане единственной фирмой К. Ю. Спаде, владевшей четырьмя траулерами (см. [26]). Большинство поморов и местных рыбопромышленников относились к перспективе развития тралового лова отрицательно. Трал считался «хищническим орудием, выдумкой иностранцев» — причем такое отношение было характерным для разных слоев общества и выражалось открыто в печати, о чем писали, в частности, те же Аверинцев и Држевецкий в своих статьях, посвященных защите трала [27, 28].

В 1916 г. на Мурман была проведена железная дорога. Надо отметить, что ее сооружением занялись только тогда, когда это стало иметь военно-стратегическое значение. Постройка железной дороги вновь выдвинула вопрос о необходимости осуществления широких мероприятий для развития морских промыслов, что обсуждалось, в частности, на заседаниях Рыбного комитета Главного управления землеустройства и земледелия (см. [29]). По иронии истории, однако, те же обстоятельства, которые вызвали постройку железной дороги на Мурман, одновременно и закрыли этот вопрос: вплоть до Брестского мира Баренцево море находилось в черте боевых действий Первой мировой войны, и никаких шагов к развитию морских промыслов края сделано не было.

Научно-промысловые исследования становятся «делом государственной важности»

Следующая страница в истории научно-промысловых исследований на Мурмане была написана лишь в 1918—1919 гг. Именно в это время Аверинцеву удалось наконец воплотить в жизнь свою давнюю идею о научно-промысловой экспедиции, которая существовала бы только на средства от продажи рыбы. Идея такой финансовой организации экспедиции высказывалась им еще в 1909 г., но тогда она не нашла поддержки, так как Архангельск был буквально завален дешевой норвежской рыбой. Теперь же обстоятельства существенно изменились: после того, как в августе 1918 г. недолгая «первая волна» власти большевиков в Архангельске была прекращена интервенцией Антанты и там было создано белогвардейско-эсеровское временное правительство, район оказался отрезан от Петрограда и центральных областей России, и продовольственный вопрос в нем стоял очень остро.

Эти изменившиеся обстоятельства способствовали реализации идеи Аверинцева, и в том же 1918 г. предложенная им экспедиция для исследования рыбных промыслов Северного Ледовитого океана была организована в Архангельске при широком участии местных общественных организаций — Общества изучения Русского Севера, губернского продкомитета и созданного к тому времени земства. Экспедиция получила первоначальную ссуду размером в 110 тыс. руб., которую легко выплатила благодаря продаже своего улова, причем в ее распоряжении остались даже средства для продолжения собственной деятельности [30].

Аверинцев полагал, что финансирование экспедиции посредством продажи выловленной ею же рыбы обеспечит тесную связь ее исследований с запросами промысла: необходимость эффективно ловить рыбу заставит членов экспедиции активно искать продуктивные промысловые районы; с другой стороны, ученые всегда будут обеспечены массовым материалом [31]. И действительно, деятель-

ность экспедиции сложилась весьма удачно. Впервые был составлен подробный отчет о районах, где возможен траловый промысел [32]; были детально обследованы открытые еще Книповичем богатые рыбой Канинские банки; и, наконец, именно экспедиционный траулер был первым судном, привезшим рыбу в Архангельск в 1918 г. Его уловы превышали уловы английских траулеров, и причина этого преимущества, по словам Аверинцева, заключалась в «научной постановке дела» [33]. Экспедиция поддерживала тесные связи с промышленниками и нарождавшимся кооперативным движением рыбаков (см. [34, 35]). Аверинцев считал, как и прежде [36], что путь к будущему развитию северных промыслов лежит через привлечение крупного капитала: в конце 1918 г. он выступил в Северном отделении Русско-Американского комитета с докладом, в котором призывал крупных промышленников «взять на себя активную организацию промысловых предприятий» [37].

Однако эра капитализма на Мурмане, — наступление которой виделось Аверинцеву десятью годами раньше «наиболее вероятным и, пожалуй, даже неизбежным» — закончилась, фактически не успев начаться. Единственным «крупным промышленником» стало государство (теперь уже советское). По заказу этого промышленника уже в 1920 г., т. е. почти сразу после восстановления власти советов в Архангельске, начала действовать Северная научно-промысловая экспедиция Высшего Совета Народного Хозяйства. Преемственность между последней и экспедицией Аверинцева не ограничивалась одним названием: так, рыбопромысловые работы новой Северной экспедиции, которые возглавил уже известный нам Книпович, были начаты с продолжения работ Аверинцева и фактически выполнялись теми же методами. Этому способствовало то, что у одного из местных капитанов удалось достать неопубликованный отчет Аверинцева за 1918 г. (который, кстати, был опубликован в 1921 г. — см. [32]). А когда Книповичу и Аверинцеву довелось — таки — впервые после революции — лично встретиться в 1923 г. на совещании «Главрыбы», первый из них сказал второму: «Все добытые Вами материалы представляли такой большой научный интерес, что Севэкспедиция считала необходимым их опубликовать, тем более, что никто не знал о Вашем местопребывании и даже не были уверены в том, живы ли Вы» [30, с. 139]*.

Как было указано, в 1918 г. острота продовольственного вопроса в изолированной своим политическим режимом Архангельской губернии явилась своего рода импульсом для развития местных научно-промысловых исследований. Нечто подобное произошло здесь и после восстановления советской власти двумя годами позже: в обстановке царившего в стране продовольственного кризиса развитие промысла на Мурмане стало «делом государственной важности» (см. [39]). Однако на фоне этого сходства обстоятельств, способствовавших развитию исследований, рельефно выявились различия в характере их осуществления. Если к экспедиции Аверинцева 1918—1919 гг. вполне можно было отнести слова ее организатора о «сосредоточении всего дела исследования в руках общественных организаций» (притом местных — см. выше), то в двадцатые годы, в условиях советского режима, работы были сосредоточены главным образом в руках организаций государственных, притом центральных. Для осуществления «дела государственной важности» в 1921 г. специальным декретом Ленина в Москве был основан Плавучий морской институт (Плавморнин). Свидетельством тенденции к централизации может служить, в частности, тот факт, что при преобразовании Плавморнина в Государственный океанографический институт (ГОИН) в 1929 г. Мурманская биологическая станция Санкт-Петербургского Общества естествоис-

* Аверинцев находился в Архангельске до зимы 1920 г., о чем можно судить из его дневников, опубликованных позднее в книге [38]. Потом он «исчез» до начала 1922 г., когда он появился в Москве. Большинство материалов, собранных им во время архангельской экспедиции, по его собственным словам, пропало. Пока, к сожалению, остается неизвестным его местопребывание в эти годы. Очевидно, его не было в Архангельске в то время, когда там работала экспедиция Книповича.

пытателей (существовавшая с 1899 г.) стала Мурманским отделением ГОИНа. Вообще, начиная с 1920-х гг., на Мурмане стали преобладать московские ученые (тогда как традиционно здесь работали петербуржцы). Большую работу здесь вел, например, московский Институт рыбного хозяйства, где лабораторией ихтиологии с 1924 г. заведовал вновь оказавшийся на переднем плане Аверинцев.

Тенденция к централизации касалась не только научно-промысловых исследований, но и самого мурманского промысла, который в этот период сосредоточился в основном в руках одной государственной организации — объединенного Северного Госрыбтреста. Наряду с последним, впрочем, продолжали существовать и другие организации, практиковавшие более кустарные формы промысла, — например, «Желрыба» (Правление рыбо-зверинных промыслов Мурманской железной дороги). Большинство рыбаков промышленяли индивидуально или небольшими артелями.

Интересно, что Аверинцев довольно скептически относился к настойчивым попыткам деятелей «Желрыбы» просвещать рыбаков и направлять их деятельность. «Рыбак со своим многолетним опытом, быть может, не очень много знает, — отмечал он, — но то, что он знает, то знает великолепно.... Надо, чтобы он видел, что автор — знаток предмета, ... и только тогда можно надеяться завоевать его внимание. К науке не только рыбак, но и вообще промысловые круги относятся с большим скептицизмом, если не с недоверием, убедить их в чем-нибудь человеку науки — трудная и неблагодарная задача» [40, с. 29]. Не только рядовые рыбаки, но также капитаны и тралмейстеры относились к возможностям науки с недоверием, заключал Аверинцев, — они больше верили в свой «нюх», в секреты, полученные по наследству, и «в свои заметки, сформулированные подчас очень примитивно» [41, с. 147]. И у него были основания для подобных заключений: так, понадобилось почти семь лет, чтобы мурманские промысловики поверили-таки в эффективность поиска скоплений рыбы, руководствуясь температурой воды (см. [42]).

Следует отметить, что претензии к ученым в те годы исходили преимущественно от организаторов промышленности, причем претензии эти имели в основном демагогический характер: администраторы ругали науку за то, что она не решает вовремя вопросы промысла, но при этом предпочитали решать эти вопросы самостоятельно и не хотели финансировать научно-промысловые исследования. Что же касается реакции ученых на такое положение дел, то о ней могут свидетельствовать, например, следующие слова Аверинцева: «Так как ряд организаций в настоящее время очень тесно связан с... промыслом, заинтересован в правильной и рациональной его постановке, то мне кажется весьма естественным, чтобы как раз эти организации и несли на себе известную долю расходов на такого рода экспедицию» [43, с. 13].

Именно тогда, т. е. в середине 1920-х гг., между учеными и промышленниками возникла дискуссия по вопросу о том, кто должен планировать научно-промысловые исследования. Промышленники считали, что ученые должны указывать направление в развитии промысла; ученые же считали, что промышленники должны задавать науке вопросы: «Почему больной — когда ему нехорошо, зовет врача и почему в рыбном деле нельзя сделать того же самого, если ощущается надобность? — говорил Аверинцев. — Необходимо звать врача всегда, когда в нем чувствуется надобность, необходимо обеспечить правильность, непрерывность научных наблюдений и связь практики с наукой» [44, с. 14]. Проблема «связи практики с наукой» была остро поставлена в 1929 г. на I Всесоюзном съезде рыбной промышленности. Общее настроение съезда выразилось в заявлении о необходимости более тесного привлечения научных исследований к делу рыбной промышленности; однако при этом, как следует из выступления того же Аверинцева, сами промысловики, выступавшие на съезде, совершенно не интересовались результатами этих исследований, они были незнакомы даже с рабо-

Один из первых советских траулеров

тами, которые публиковались в центральном органе рыбопромысловой науки «Бюллетене рыбного хозяйства» [45].

Но пока наука и промышленность решали свои междуусобные проблемы, в стране развернулась сталинская индустриализация, и стало ясно, кто будет давать указания и промышленникам, и ученым. Уже к концу 1920-х гг. индустриализация и «свертывание» различных форм хозяйствования затронули рыбные промыслы Мурмана: «Желрыба» была ликвидирована, и Госрыбтрест стал монополистом [46, с. 97—98]. В 1924 г. была организована Тралбаза, постепенно выросшая в Траловый флот. В 1930 г. началась спешная коллективизация мурманского рыбачества. Ломка привычного образа жизни и деятельности привела к тому, что прежде не отличавшиеся, мягко говоря, особым доверием к науке рыбаки начали предъявлять требования к промысловикам и ученым, чтобы те научили их, «как жить и работать дальше». Как отмечал тогдашний директор ГОИНа профессор Иван Илларионович Месяцев, «рыбачество..., организованное в колхозы, осознало необходимость использования достижений науки в своей практике и предъявляет нашему Институту целый ряд требований, часто не легко выполнимых» [47, с. 96].

В это же время Мурман стал районом пристального внимания партийных руководителей страны. В 1932 г. в Мурманске побывал Нарком снабжения А. И. Микоян. Его поездка была вызвана усугублением продовольственного кризиса (надо отметить, что даже рыбу в те годы распределяли по карточкам) и, в частности, неблагоприятным положением дел в мурманском промысле. О последнем свидетельствовало, например, то, что в 1932 г., несмотря на двухкратное увеличение тралового флота по сравнению с 1931 г., улов составил только 30% от уровня прошлого года. В Мурманске рыбы совсем не было в продаже [48, с. 25]).

В незавидном положении оказались тогда и ученые. С 1930 г. ГОИН вел исследования на Мурмане по договорам с рыбопромысловыми организациями, которые требовали от ученых не столько изучения биологии промысловых рыб, сколько своевременных и правильных прогнозов подходов рыбы. В те годы еще не существовало такого подспорья для прогностической работы, как промысловая разведка. Вдобавок, 1930 и 1931 гг. выдались необычными: имело место мощное усиление теплого течения, в результате чего треска ушла на восток от Мурмана,

а в 1932 г. туда в небывалом количестве пришла сельдь. Между тем ведущие сотрудники ГОИНа не предсказывали никаких заходов сельди, утверждая, что заходы сельди на Мурман вообще носят случайный характер и сколько-нибудь значительный ее промысел в Баренцевом море невозможен*. После этого казуса мурманские рыбопромысловые организации отказались от заключения нового договора с ГОИНам. В марте 1933 г. в «Ленинградской правде» появилась статья под названием «Осиное гнездо», сообщавшая, что, дескать, «само упоминание о ГОИНе вызывает усмешку на лицах мурманских рыбаков» [49]. Директору Мурманской станции Г. А. Ключе и директору ГОИНа И. И. Месяцеву были предъявлены все возможные обвинения: от некомпетентности до непролетарского социального происхождения большинства работников возглавляемых ими учреждений. Не замедлили последовать и оргвыводы: все руководящие сотрудники были арестованы по обвинению в организации вредительской группы, сорвавшей выполнение плана промысла трески Рыбтрестом. И хотя вскоре их выпустили, впоследствии большинство из них были снова арестованы [50, с. 133—134].

Наступил, по-видимому, наиболее драматический период в развитии мурманских научно-промысловых исследований, тем более что они неожиданно оказались помехой при реализации военно-стратегических интересов в этом районе. Летом 1933 г. Сталин лично посетил Мурман с целью выбора удобной гавани для военных кораблей и первых советских подводных лодок (их предполагалось перегонять из Ленинграда на Север через Беломорканал, строительство которого подходило к концу). Екатерининская гавань, где с конца XIX в. располагалась Мурманская биологическая станция, приглянулась вождю, и можно ли считать случайным то, что вскорости большинство ее сотрудников были арестованы, а сама станция и ГОИН — закрыты?

Обвинив большевика Месяцева во вредительстве, власти решили обратиться к услугам «старых специалистов». В 1933 г. по приказу Наркомата снабжения на Мурмане было создано новое учреждение — Северная сельдяная экспедиция [51]. Организовать ее работу было поручено Книповичу, но так как последний был уже в преклонном возрасте и не мог сам возглавить экспедицию, то он назначил на этот пост Аверинцева**. Экспедиция оказалась очень успешной: в частности, в ходе ее работы была впервые доказана возможность лова сельди в открытом море, что позднее было широко использовано в промысловой практике.

Так замкнулся некий круг в научно-промысловых исследованиях на Мурмане. Дальше — другое время: новые, выросшие уже при советской власти, ученые, объединенные в единую централизованную систему научно-исследовательских институтов во главе с расположенным в Москве Всесоюзным научно-исследовательским институтом рыбного хозяйства и океанографии***; новые функционеры-промышленники и новые, согнанные в колхозы, рыбаки; новые проблемы их взаимоотношений, выходящие за рамки данной работы.

Список литературы

1. Алексеев А. П. Научно-промысловые исследования на Мурмане до 1917 г. // Под семизвездным синим флагом. Мурманск, 1981.
2. Книпович Н. М. Экспедиция для научно-промысловых исследований у берегов Мурмана / сост. при содействии К. П. Ягодовского и Н. С. Жихарева. Т. 1. СПб., 1902.
3. Труды Северной комиссии 1897—1898 гг. СПб., 1898.

* Такие массовые заходы сельди, какие были в эти годы, так больше никогда и не повторились, так что специалисты ГОИНа были, по всей видимости, правы, говоря о случайности этого явления.

** Аверинцев был вызван из Ферганы, где он преподавал после крайне тяжелой, видимо, вынужденной поездки в Якутию в 1929—30 гг.

*** Вошедший в эту систему мурманский ПИПРО (Полярный институт рыбного хозяйства и океанографии) был образован в 1934 г. на базе ГОИНа и Северной сельдяной экспедиции.

4. *Книпович Н. М.* Положение морских рыбных и звериных промыслов Архангельской губернии (Из отчетов Министерству Земледелия и Государственных Имуществ по командировкам 1893 и 1894 гг.). СПб., 1895.
5. *Книпович Н. М.* О рыбных морских и звериных промыслах Архангельской губернии (Отчет Министерству Земледелия и Государственных Имуществ по командировке 1895 года). СПб., 1897.
6. *Славентатор Д. Е.* Ученый первого ранга. Л., 1974.
7. Отчет о деятельности Комитета для помощи поморам Русского Севера за 1894—1907 г.г. // Рус. судоходство. 1907—1908 (Приложения).
8. Жалобы поморов // Новое время. 1900. 29 июля (11 авг.). С. 4.
9. По поводу заметки «Нового времени» о сообщении г. Книповича // Рус. судоходство. 1901. № 231—235. С. 160—161.
10. *Држевецкий В. Ф.* 10 лет работ по исследованию Мурмана // Вестн. рыбопромышленности. 1908. № 3. С. 151—167.
11. *Книпович Н. М.* Основы гидрологии Европейского Ледовитого Океана. СПб., 1906.
12. *Брейтфус Л. Л.* По поводу докладов в Имп. Рос. Обществе Рыбоводства и Рыболовства 25 окт. 1903 г., касающихся отчета о деятельности Мурманской научно-промысловой экспедиции за 1902 г. // Рус. судоходство. 1904. № 3 (263). С. 126—147.
13. *Брейтфус Л. Л.* О Комитете для помощи поморам Русского Севера. СПб., 1910.
14. *Брейтфус Л. Л.* О необходимости дальнейших научно-промысловых исследований на Севере // Рус. судоходство. 1908. № 12 (320). Приложение. С. 1—22.
15. *Аверинцев С. В.* Зоологические и ихтиологические исследования Мурманской научно-промысловой экспедиции; их отношение к промысловому делу и их желательное направление в будущем // Рус. судоходство. 1909. № 1 (321). Приложение. С. 1—30.
16. *Држевецкий В. Ф.* По поводу десятилетних работ Мурманской научно-промысловой экспедиции // Рус. судоходство. 1908. № 12 (320). Приложение. С. 1—33.
17. Мурманская научно-промысловая экспедиция в обсуждении на заседаниях А.О.И.Р.С. // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1909. № 1. С. 26—48.
18. Протокол заседания Промыслового отдела Императорского Общества судоходства 7 октября 1908 г. // Рус. судоходство. 1908. № 12 (320). Приложение. С. 1—16.
19. *Аверинцев С. В.* Несколько слов о постановке научно-промысловых исследований у берегов Мурмана // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1909. № 2. С. 26—38.
20. Краткий обзор научно-промысловых исследований в текущем году экспедиции В. Ф. Држевецкого на Мурмане // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1909. № 3. С. 59—62; № 15. С. 62—80.
21. *Копытов Н. Л.* Мурманско-Канинские рыбные промыслы // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1911. № 10. С. 757—766.
22. *Аверинцев С. В.* Материалы по изучению тралового промысла в Баренцевом море // Тр. Научн. ин-та рыбн. хоз-ва. 1924. № 1. С. 139—148.
23. *Пришвин М. М.* По северу России // Рус. судоходство. 1908. № 7 (315). С. 44—64; № 8 (316). С. 72—95.
24. Промысловое предприятие Д. Н. Масленникова на Севере // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1909. № 9. С. 82—83.
25. *Книпович Н. М.* Траловый промысел в Баренцевом море // Вестн. рыбопромышленности. 1914. № 1—2. С. 34—50.
26. *Киселев А. А., Краснобаев А. И.* История мурманского тралового флота (1920—1970 гг.). Мурманск, 1973.
27. *Држевецкий В. Ф.* О траловом лове // Тр. III съезда рыбопромышленников. 1912. Вып. 2. С. 524—528.
28. *Аверинцев С. В.* В чем опасность для мурманского рыболовства? // Рус. судоходство. 1909. № 6 (326). С. 122—124.
29. *Жилинский А. А.* Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Пг., 1917.
30. *Аверинцев С. В.* О траловом промысле на севере // Рыбное хозяйство. 1923. Кн. 3. С. 132—139.
31. *Аверинцев С. В.* Материалы к познанию промысловых рыб и рыболовства Баренцева моря в связи с перспективами дальнейших исследований // Тр. Науч. ин-та рыбн. хоз-ва. 1927. Т. 2—3. С. 3—24.
32. *Аверинцев С. В.* Краткий отчет о промысловых работах в течение 1918 года «Экспедиции для исследования рыбных промыслов Северного Ледовитого океана» // Тр. Сев. научно-промысл. эксп. Пг., 1921. № 6. С. 3—15.
33. Доклад профессора Аверинцева о деятельности Северной научно-промысловой экспедиции // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1918. № 10—12. С. 229—231.
34. Северное Научно-промысловое объединение // Товарищеское дело. 1918. № 5. С. 7—10.
35. Об изучении природных богатств Севера // Товарищеское дело. 1918. № 25. С. 15—19.

36. Аверинцев С. В. О Мурманских промыслах // Рыбпромшленность. 1913. № 1. С. 2—16.
37. Аверинцев С. В. Современное состояние и возможное будущее рыболовства на севере России (Доклад на заседании Северного отдела Русско-Американского комитета 8 дек. 1918 г.) // Журнал Отд. земледелия Временного Правительства Сев. области. 1919. № 1. С. 52—60.
38. Аверинцев С. В. На рыболовном траулере в полярном море. Из дневника натуралиста. М.-Л., 1928.
39. Славин С. В. Освоение Севера Советского Союза. 2 изд. М., 1982.
40. Аверинцев С. В. Рец.: Н. Н. Пушкарев. О поселе северной сельди // Бюлл. рыбн. хоз-ва. 1925. № 5. С. 29—30.
41. Аверинцев С. В. Материалы по изучению тралового промысла в Баренцевом море // Тр. Науч. ин-та рыбн. хоз-ва. 1924. № 1. С. 139—148.
42. На траулерах в Баренцевом море (25 лет советского рыболовного тралового флота). М.-Л., 1946.
43. Аверинцев С. В. Об организации научно-промысловой экспедиции для изучения биологии беломорской сельди и ее промысла // Бюлл. рыбн. хоз-ва. 1924. № 1. С. 12—13.
44. Аверинцев С. В. По поводу заметки Архоблгосрыбпрома // Бюлл. рыбн. хоз-ва. 1924. № 1. С. 14.
45. Аверинцев С. В. Наука и рыбная промышленность // Бюлл. рыбн. хоз-ва. 1929. № 2. С. 10—11.
46. Развитие рыбной промышленности Мурманской области, 1920—1985. Мурманск, 1986. Т. 1.
47. Месяцев И. И. Итоги работ по изучению берегового промысла на Мурмане в 1930 г. // Докл. Первой сессии ГОИНа (14—22 апреля 1931 г., Москва). № 3. С. 79—106.
48. Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928—1935 гг. М., 1993.
49. Аренин К. Осиное гнездо // Ленингр. правда. 1933. 5 марта.
50. Вержбинская Н. А., Гинецинская Т. А. Мурманская станция // Очерки по истории С.-Петербургского Общества естествоиспытателей (125 лет со дня основания) // Тр. СПбОЕ. СПб., 1993. Т. 91. Вып. 1. С. 121—134.
51. Аверинцев С. В. О работах Северной сельдяной экспедиции // За рыбную индустрию Севера. 1933. Т. 6. С. 16—20.

В. С. САВЧУК

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ (1917—1931)

Научные общества
в структуре историко-научных исследований организации науки

Организация науки, тенденции ее развития — одна из важнейших проблем историко-научных исследований. Длительное время в основном изучались те ее формы, которые имели плановый, централизованный, государственный характер: в первую очередь Академия наук, университеты, институты и лаборатории. В то же время объединения, имевшие более самостоятельный характер, более демократические устои, считались неперспективными, не играющими существенной роли в общей структуре и процессах организации науки. И это не удивительно, ибо такой стереотип сложился под влиянием определенной специфики организации научной деятельности и особенностей социального развития общества. Формы самоорганизации в СССР, которые возникали в научной среде, существовали в той или иной степени в «прокрустовом ложе» огосударствления и идеологизации. Возможно, это и было той причиной, которая создала определенные стереотипы представлений об объединениях типа научных обществ и их роли в организации науки, которые даже при смене ориентиров в нашем обществе все еще отягощают сознание и не дают возможности расширить границы самореализации субъектов научной деятельности.

Между тем XIX — начало XX столетия дают яркие примеры организации на-